

Семидесятилетие Патриарха

Габриэль Гарсиа Маркес — латиноамериканский писатель. Говоря латиноамериканский писатель, не так давно подразумевали только Маркеса. Эта связка так же нерасторжима, как связка о Пушкине и поэте, о птице и воробье, о фрукте и яблоке. В нашем сознании он превратился в миф.

Связь Маркеса с Россией странна — визит на фестиваль, безграничная популярность, постепенно уходящая, вернее, замещающаяся совсем другим — немассовым уважением. Невнятная возня вокруг гонораров, не заплаченных, как водится, в нашем Отечестве. Это фактология.

Смысл имени Маркеса в России в том, каким мы его себе придумали. Может быть — додумали. Его проза на некоторое время соединилась с течением мысли советского времени — с его тягучей монотонностью. Маркес — абсолютно гидродинамичный писатель. Слова движутся как вода, как вода течет время. Время длится — и «Сто лет одиночества» были паролем этого времени.

Его персонажи будто плывут в вязкой воде. Все возвращается к истоку. Маленькая, щемящая деталь из прошлого всплывает на новой странице. Осколок засушенной розы. Цвет воды в паводок. Запах дождей, которые кажутся вечными, и запах пыли на пустынных улицах маленького городка. Мычание коров, призванных плодиться и размножаться.

Эта странная жидкость — наша память. Память обращается с воспоминаниями не как с твердыми предметами, а как с предметами текучими.

Видимо, так любить Маркеса, как любили его у нас в восьмидесятые годы, так вчитывать в него смысл, уже не будут. Это связано с изменением скорости течения. Такой писатель, как Маркес, становится для человека, читавшего его десять-двадцать лет назад вешкой, створным знаком.

Маркес остается, награжденный не преклонением, а именно уважением читателя. Он не стал хуже — просто изменилось время. Оно стало суше.

ВЛАДИМИР РОЗАНОВ

Русский Габриэль Маркес — 6
Маркес — с. 9